

ФИЛОЛОГИЯ*(специальность: 10.02.19)*

УДК 81

Р.С. Ильясова*Чеченский государственный университет**г. Грозный, Россия****А.Р. Дадаева****Чеченский государственный**педагогический университет**г. Грозный, Россия*

redaction-el@mail.ru

ЛИНГВОСТИЛИСТИКА**И ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА:****УРОВНИ АНАЛИЗА*****[Raisa S. Ilyasova, Aza R. Dadaeva******Linguistic stylistics and literature stylistics: analysis levels]***

Some problems of linguo-stylistic literary models are analyzed. The analysis of the views of researchers on the relationship between linguistics and literary criticism is given. Specific linguistic research undertaken in the 1960s of XX century, were devoted mainly to syntax and phonology, especially the latter, as evidenced by the relatively large number of articles devoted to metrics and sound patterns in poetry. The psychological properties of style, especially the reaction of readers to style as a psycholinguistic and cognitive phenomenon, also aroused considerable interest. The most recent studies of linguistic stylistics tend to focus on the application of discourse analysis and narrative organization research to the study of artistic text. Functionalism in linguistics arose in the 1970s under the influence of V.V. Vinogradov to the analysis of the language, which is more strictly called system-functional linguistics. It is argued that style itself is the result of the simultaneous convergence of effects at several levels of linguistic organization.

Key words: style, language, speech, literary language, linguistics, literary criticism, interpretation, text.

Функциональным аспектом языковой системы занимается наука стилистика. «Стилистика – наука о богатстве и разнообразии системно связанных между собою маркированных и немаркированных средств литературного языка и об умении их использовать наряду с нелитературными языковыми средствами, в зависимости от жанра, содержания, целей высказывания, а также ситуации и

характера аудитории» [8, с. 158]. Однозначного и общепризнанного определения понятия стиль нет. Стиль тесным образом связан с формой речи. Форма речи – это внешнее выражение нашего сообщения с помощью.

Р.О. Якобсон сделал заявление о взаимосвязи между лингвистикой и литературоведением, которое цитировалось почти во всех его последующих трудах по этой теме. Но некоторые критики все еще сомневаются в способности лингвистики охватить область поэтики. По мнению Якобсона, все мы здесь определенно понимаем, что лингвист, не видящий поэтические функции языка, и литературовед, безразличный к языковым проблемам и не знающий лингвистических методов, являются в равной степени анахронизмами [10].

Специфические лингвистические исследования, предпринятые в 60-е гг. XX в., были посвящены в основном синтаксису и фонологии, особенно последней, о чем свидетельствует относительно большое количество статей, посвященных метрикам и звуковым паттернам в поэзии. Также значительный интерес вызвали психологические свойства стиля, особенно реакция читателей на стиль и стиль как психолингвистический и когнитивный феномен. Однако на стыке с литературной критикой стоит отметить, что на этом этапе стилистика была в некоторой степени поглощена доминирующей критической парадигмой того времени, подход, который был назван новой критикой и характеризовался тщательным вербальным анализом текстов.

К 1970 г. карта была частично перерисована. В течение 1960-х гг. произошло быстрое расширение, с доминирующим влиянием в лингвистике работы Н. Хомского [9]. Стилисты этого периода стремились продемонстрировать различия между грамматикой поэта и лежащими в основе грамматическими нормами, которые обычно рассматриваются как простые базовые предложения в базовой декларативной форме.

Функционализм в лингвистике вырос в 1970-х гг. под влиянием подхода В.В. Виноградова к анализу языка, который более строго называется системно-функциональной лингвистикой [2]. Функционализм, однако, часто определяется путем противопоставления его формализму, особенно лингвистическому формализму, который напрямую связан с Хомским. Позиция функционализма состоит в том, что языковая система и составляющие ее формы неизбежно определяются использованием или функциями, которым они служат. Для формалистов языковая система не зависит от того, для чего она предна-

значена: это всего лишь поверхностные исследования. Для них формы языка в принципе не зависят от использования, и функции в строгом смысле, фактически предшествуют им. Формализм, таким образом, более естественно склонен к когнитивным объяснениям примеров языка, утверждая, что мозг генетически запрограммирован на приобретение по существу неизменного языкового порядка вещей. Данные, от которых зависит функционализм, напротив, менее интроспективны или зависимы от разума, а скорее состоят из естественных текстов в социальных контекстах, где действие языковых форм может быть описано только со ссылкой на контекст. Формы социально конституированы и контекстуально детерминированы, и их значение не может быть истолковано изолированно от такой социальной семиотики. По мнению П.И. Баранниковой, модели языка лучше подходят для описания литературы, поскольку литературные стили являются неотъемлемой частью того, что по сути является естественным текстом [1].

Особый аргумент по этому вопросу у А.Н. Гвоздева, заключающийся в том, что слишком узкое сосредоточение на лингвистических формах не освобождает то, что по существу представляет интерес при изучении литературных текстов: эффекты, которые возникают, когда лингвистические формы подразумевают аспекты контекста или, когда они прямо или косвенно сигнализируют многие функции, которые они могут выполнять [4].

Это не означает, что грамматические или фонологические формы художественных текстов не представляют интереса. Это означает, что они включают микроструктурные аспекты текста, что является одной из причин того, почему так много стилистического анализа в 1960-х – начале 1970-х гг. сосредоточено на коротких лирических стихах, а не на более крупных макроструктурных единицах за пределами предложения, которые больше относятся к сфере дискурса. Акцент на языковых функциях также дает больше возможностей для описания структурных паттернов литературных текстов. В некоторых отношениях лингвистическая стилистика является чистой формой стилистики, поскольку ее практики пытаются вывести из изучения стиля и языка уточнение моделей для анализа языка и, таким образом, внести свой вклад в развитие лингвистической стилистики. В.Я. Дерягин считает, что при анализе языка есть опасность поставить под угрозу строгость и систематичность анализа стилистических эффектов, и что практикующие

специалисты в смежных дисциплинах не желают принимать своего рода стандарты принципиального описания языка, необходимые для подлинной взаимной интеграции интересов [5].

Самые последние исследования лингвистической стилистики, как правило, сосредоточены на применении исследований дискурсивного анализа и повествовательной организации к изучению художественного текста. Многообещающим примерам лингвистической стилистики является исследование Р.О. Якобсона «Лингвистика и поэтика». Якобсон классифицирует и каталогизирует коммуникативные и выразительные функции языка в повествовании, а затем утверждает, что нарративные предложения – это те предложения, которые не являются ни коммуникативными, ни выразительными и, следовательно, в силу исключения субъективных и дискурсивных действий повествователя, являются теми предложениями, которые сигнализируют «правдивые», неотмеченные суждения повествования.

Сильные стороны заключаются в том, что, во-первых, предоставляется описательная структура, которая достаточно детализирована, чтобы можно было извлечь решения аналитиков и сравнить их с нашим собственным анализом. Таким образом, существует систематическая основа для согласия и несогласия. Немногие стилисты, и очень немногие литературные критики, соответствуют таким стандартам ясности, или предоставляют такие четкие критерии для своих описательных решений. Во-вторых, таким же образом использование моделей позволяет работать подходящим «научным» образом.

Но именно в таком сочетании проявляются некоторые проблемы лингвистических моделей. Соответственно необходимо признать недостатки, как потенциальные, так и фактические. Фактически, именно в области интерпретации проблемы проявляются наиболее заметно. Во-первых, неправильным было бы считать, что любое применение лингвистических знаний, будь то моделирование или иное, может привести к «объективной», свободной от ценностей интерпретации данных. Система неизбежно будет частичной (в обоих смыслах этого слова) и, соответственно, будет интерпретация. Во-вторых, как указывают И.Б. Голуб, Д.Э. Розенталь, модели, подобные описанным здесь, сами по себе не указывают на то, что на языке взаимодействия или повествования имеет отношение к интерпретации текста, а только на то, как это может быть реализовано в тексте [3].

Отличительной чертой работы в литературной стилистике является обеспечение основы для более полного понимания, оценки и интерпретации явно литературных и авторских текстов.

Действительно, утверждается, что стиль сам по себе является результатом одновременной конвергенции эффектов на нескольких уровнях языковой организации. Хотя точность анализа, доступная с помощью лингвистических методов, бросает вызов установленным процедурам «внимательного чтения» или практической критики, общие цели и приемы литературной стилистики остаются тесно связанными новой критикой. Несмотря на вышеупомянутые социолингвистические тенденции, в большинстве литературно-стилистических анализов, язык по-прежнему рассматривается как основная составляющая текста. Существование внетекстового мира социальных, политических, психологических или исторических сил часто игнорируется как находящееся за пределами аналитической компетенции стилистики. Считается, что такие силы мало влияют на язык текстов как языковых артефактов, которые пережили исторические изменения и чей единственный релевантный контекст – лингвистический.

Этот аргумент характеризует потенциально самопоглощающая цикличность, которая также служит для изоляции задействованных процедур интерпретации. Защищенные таким образом стилисты могут сосредоточиться на текстах, которые сознательно или нет интерпретируются как существующие в неисторическом, почти вечном вакууме; и анализ может продолжаться по большей части, не беспокоясь о неудобных вопросах о семантическом изменении или онтологическом статусе самого языка как средства передачи значений. Ибо, если бы были подняты вопросы об отношениях между языком и миром и беспроблемное ссылочное соответствие между словами и значениями было бы проблематизировано, тогда анализ должен был бы столкнуться с такими проблемами, как произвольность знака, соответствие между языком, репрезентация и культурная относительность, а также разновидности теорий языка, выдвинутые постструктуралистами и деконструктивизмом. Если бы это было так, то попытки большинства литературных стилистов сузить варианты значений были бы ниспровергнуты или деконструированы изнутри, благодаря множественности значений, предоставляемых альтернативными теоретическими точками зрения. В большинстве случаев литературные сти-

листы следовали направлениям, отстаиваемым практической или новой критикой, но обеспечивали педагогическую защиту своей неявной «интерпретации», или теории языка, особенно аргументируя это тем, что изучающим литературу знакомы такие методы работы. Нейтралитет и объективность невозможны в языковой игре, в которой то как мы интерпретируем данные литературного произведения, неразрывно связаны с нашими убеждениями. Цель нейтрального, свободного от ценностей литературно-стилистического анализа воплощает, по О.А. Крылову, идеологически реакционную приверженность сохранению вещей такими, какие они есть [6]. Различные группы лингвистов, теоретиков литературы и кино, историков культуры и семиотиков утверждают, что их работа в основном связана с анализом дискурса. В этом решающем отношении данные, изученные дискурсивными аналитиками, не будут интроспективными; они будут «естественным» языком, то есть естественным языком в социальном контексте фактического использования языка. Данные, собранные в таком контексте, не будут такими точными и управляемыми, как интроспективные данные. Они также должны быть больше, чем просто случайными или эксцентричными, и действительно отражать существенные закономерности между языком и контекстом. Аналитику неизбежно будет сложно их описать, особенно если они устные; и они неизменно будут фрагментами текста, поскольку взаимодействие языка и социального контекста не может быть адекватно проиллюстрировано образцами языка, которые встречаются только в пределах одного предложения. Например, одно предложение «Не пора ли тебе лечь спать?», произнесенное родителем ребенку, может объединить три речевых акта: просьбу, команду и угрозу.

По мнению дискурсивных аналитиков, контекст, в котором изучается использование языка, должен быть реальным. Под реальным подразумевается, что примеры изучаемого языка должны быть подлинными образцами реальных данных, собранных аналитиком или предоставленных для него, а не составленными аналитиком в искусственной среде его собственного кресла только на основе его собственной интуиции, чтобы проверить, является ли этот пример правильным [7].

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Баранникова П.И.* Основные сведения о языке. М.,1982.
2. *Виноградов В.В.* Стилистика. Теория поэт. речи. М.,1987.
3. *Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.* Занимательная стилистика. М.,1988.
4. *Гвоздев А.Н.* Очерки по стилистике русского языка. М.,1982.
5. *Дерягин В.Я.* Беседы о русской стилистике. М.,1978.
6. *Крылова О.А.* Основы функциональной стилистики русского языка. М., 1979.
7. *Ларин Б.А.* Эстетика слова и язык писателя. Л., 1989.
8. *Панфилов А.К.* Стилистика русского языка. Руководство к работе. М., 1986.
9. *Хомский Н.* Язык и мышление. М., 1972.
10. *Якобсон. Р.О.* Лингвистика и поэтика. <http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm>

R E F E R E N C E S

1. *Barannikova P.I.* Basic information about the language. M., 1982.
2. *Vinogradov V.V.* Stylistics. Poet speech theory. M., 1987.
3. *Golub I.B., Rosenthal D.E.* Entertaining style. M., 1988.
4. *Gvozdev A.N.* Essays on the stylistics of the Russian language. M., 1982.
5. *Deryagin V.Ya.* Conversations about Russian style. M., 1978.
6. *Krylova O.A.* Fundamentals of the functional stylistics of the Russian language. M., 1979.
7. *Larin B.A.* Aesthetics of the word and the language of the writer. L., 1989.
8. *Panfilov A.K.* The stylistics of the Russian language. Guide to work. M., 1986.
9. *Chomsky N.* Language and thinking. M., 1972.
10. *Jacobson. R.O.* Linguistics and poetics. <http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm>

30 сентября 2020 г.